

Остаток дороги шли благополучно сквозь печально падающий снег. Только зашли через Ворота, как медики, ожидавшие нас, стали собирать выживших, а охрана помогала переправлять людей в больницу. Все двигались, как шестеренки в механизме, и я спокойно занял свое место в его центре.

— Эй, сэр! — окликнул Чжуна, который побрел с детьми вперед.

Учитель обернулся, а я сунул ему в руку внушительную пачку талонов на питание, доставленных из нашего штаба. Он был из тех ответственных, хороших учителей, которых трудно найти в наше время. Я уверен, что он и без всякого принуждения будет помогать и заботиться о детях, оставшихся без родителей. И я хотел ему помочь.

Он безучастно посмотрел на талоны, и я сказал, что они нужны для того, чтобы купить все необходимое. Это поможет им освоиться в Эдеме, ведь они приехали почти без вещей. Выслушав, господин Чжун склонил голову, по его лицу потекли слезы, и стал горячо благодарить меня. Нет необходимости меня благодарить. Похлопал его по плечу и медленно пошел прочь, больше ничего не говоря.

Позади слышались слова благодарности от множества людей. Вместо того, чтобы испытывать чувство гордости, я снова задумался о жизни. Перед лицом бесконечных философских вопросов и мучений я, наконец, перестал думать об этом. Чем больше думал, тем сильнее болела голова. Хотелось поскорее забыть всё и встретиться с Че Ён.

— Куда намылился, паразит!

Только собрался под шумок уйти в общагу, как Старый схватил меня и потащил к Ким Чхолю, который осматривал пациента в стороне. Он попросил врача осмотреть мой раненый глаз.

Ким, увидев, что моя рана более серьезная, бросается к нам. Повязка была быстро снята, и я почувствовал жгучую боль в левом глазу.

Выражение лица Ким Чхоля, когда он светит мне в глаз маленьким фонариком и осматривает рану, оказалось более серьезным, чем я ожидал. Но спокойно стал ждать, что он скажет, хотя и так знал ответ. Я уже сдался, поэтому был уверен, что, что бы ни сказал Ким Чхоль, он меня не разочарует. Однако сидящий рядом со мной старик не уверен в этом. Он постукивает ногой и спрашивает Ким Чхоля.

— Хей, док, с ним все будет в порядке? Он просто немного устал...

Ким Чхоль отвечает.

— Не уверен.

Неужели все врачи такие невозмутимые? Наверняка на левой стороне моего лица остался жуткий шрам, но Ким Чхоль осматривает рану, тихо бормочет о симптомах и очень спокойно говорит мне, что ему нужно отвезти меня в больницу.

Перед больницей я попросил Дэ Бака последить здесь за делами, а Канга отправил в наш офис. Хотел еще дать задания остальным, но передумал, глядя на расстроенную Ким Хе Чжон и Юн Пала с глазами на мокром месте.

Врач тем временем закончил осматривать меня. Я хотел было спросить, обязательно ли нужно в больницу, но Ким Чхоль решительно кивнул, и я не стал возражать.

Посмотрел на часы. У Че Ён скоро закончатся уроки. Нужно ее встретить. Стал говорить, что мне нужно срочно уйти, но никто не слушал.

Видя знакомые лица, я убедился, что нахожусь в безопасности, и глаза стали сами собой закрываться, а все напряжение ушло. На их место пришла боль, которая была сильнее, чем я думал. Я лежал безропотно, как ребенок, осознавая, что еще жив, раз чувствую её.

Короче, Ким Чхоль сказал, что ничего очень страшного в ранении нет. Я ждал полной слепоты глаза, но когти твари не повредили глазное яблоко. Это можно считать положительным результатом? По крайней мере, Старый, выглядевший так, словно постарел лет на десять, облегченно вздохнул, а Юн Пал вовсе разрыдался.

Несмотря на это, рана все еще глубокая, и ее нужно лечить. Врач также сказал, что у меня на теле есть еще много ран, о которых я даже не знал, и что их тоже надо обработать. Старый понимающе кивнул, а Юн Пал склонил голову в знак благодарности врачу. Со временем опустились багровые сумерки, и наступила ночь.

Я лежал в тихой больничной палате и впервые за долгое время отдыхал. Снаружи за окном было совершенно темно, а внутри комнаты мерцала маленькая лампа. С тех пор, как стало известно о моем ранении, Эдем приобрел странную торжественную атмосферу. Всех попросили не нарушать мой покой, и возле больничной палаты не было ни живой души.

Старый и Юн Пал ушли на встречу с Главой, оставив нас с Че Ён в комнате. После уроков девочка сразу пришла ко мне в больницу и, увидев повязки и раны, долго плакала.

Она быстро соображает. Наверное, почувствовала, что я сильно ранен. Обнял ее и некоторое время успокаивал, понимая, что она, наверное, очень волновалась.

Мы поужинали и теперь сидели, наслаждаясь спокойствием момента. Че Ён, которая до этого плакала, теперь смеялась над моими шутками и скакала вокруг кровати. Когда пришло время

ложиться спать, она сонно устроилась у меня под боком и спросила:

— Пап, почему ты ранен?

Ребенок, необычайно умный для своего возраста, иногда задает вопросы, которые пронизывают до глубины души. Временами я задумывался, стоит ли давать ей реалистичный ответ или все же немного солгать. Некоторое время молчал, потом погладил ее по волосам и ответил.

— Я пытаюсь найти для тебя друзей, Че Ён.

Большинство выживших, которых мы спасли, были школьниками или совсем маленькими, как Че Ён. Некоторое время их будут размещать и адаптировать в Эдеме, а вскоре они смогут ходить в школу, как обычные дети. У Че Ён много друзей ее возраста, и, возможно, они тоже станут ее друзьями. Я дал ей правильный ответ, сказав полуправду. Девочка зарылась лицом в мои руки и сказала глухо.

— Тогда мне не нужны друзья.

Чтобы осталось одно, нужно отказаться от другого. Ребенок слишком хорошо знал реальность, которую не хотели признавать даже взрослые, и наблюдать за этим было еще больнее. Она быстро растет, но еще недостаточно взрослая для таких вещей. Мне кажется, что все происходит из-за меня.

Я боюсь завтрашнего дня. Боюсь потерять друзей, боюсь, что больше не увижу Че Ён. Не знаю, что ждет впереди. Боюсь, что то, что я делаю — бессмысленная борьба, что все это напрасно.

Это чувство преследовало меня уже долгое время. Постоянный страх, что что-нибудь случится, и я могу умереть. Девочка засыпает, а я прижимаю ее к себе, не в силах отпустить. Я не хочу ее терять.

Кровать в больничной палате оказалась более узкой, чем я ожидал. Достал рацию и позвонил Кан Су Рён, попросив ее забрать Че Ён. Менее чем через пять минут Кан Су Рён и Ким Си Ён подошли к двери больничной палаты, и мы немного поболтали.

После короткого разговора Ким Си Ён склонила голову в знак благодарности и ушла, неся на руках уснувшую Че Ён. Кан Су Рён же тихонько присела на стул рядом с кроватью, думая о том, есть ли еще что обсудить со мной. Мы молча смотрели друг на друга, но неловкости не было. В наших взглядах чувствовались уют и доверие, прочно сложившиеся отношения.

Кан Су Рён осторожно взяла меня за руку. Я опешил от тепла ее руки, но промолчал и смотрел

на нее так, словно в любой момент мог расплакаться. Она, как мать, всегда улыбается, всегда на шаг впереди, всегда заботится о детях и людях. Но я давно не видел ее такой грустной, и не мог заставить себя сказать хоть что-нибудь.

— Тебе очень больно? — спросила она, хотя и так все поняла.

Она была первой из нашей группы, кто встретил меня, и ей пришлось многое пережить. Иногда мне кажется, что между ней и мной есть какая-то особая связь, о которой не знают ни Старый, ни братья. А я знаю. Потому что она всегда меня понимала.

Трудности, боль, страх. Все это наваливается вкуче с чувством вины. Позади меня стоят люди, которых я веду за собой. Несу на плечах груз ответственности, но не могу кричать от боли, ведь если окончательно сломаюсь и умру, то всё рухнет. Я постоянно борюсь со своей волей и чувствами, поэтому так одинок.

Но женщина молча гладила мою руку, как будто все знала. И она проливает слезы вместо меня, обхватив мою руку руками, потому что я не могу плакать. Слезы упали на руку, и мое сердце разбилось. Капли слез оросили самую суть моей души, и больше, чем любые слова, больше, чем любое действие, слезы придали всему этому смысл и успокоили меня.

— Тебе больно, да? Я вижу. Тогда скажи мне. Скажи нам всем, что тебе тяжело, хорошо? Никто не будет осуждать, Дон Юн. Пожалуйста...Пожалуйста, обязательно говори, когда тебе тяжело.

Ее голос дрожал, как чахлая ветка в середине зимы. Слезы пропитали покрывало, и я закрыл рукой ее рыдающее лицо. Боль и воспоминания прошлого промелькнули перед моими глазами. Были моменты, когда я чуть не погиб, но выжил и воссоединился со своими товарищами. Вскоре боль и страдания утихли. Видя ее слезы и лицо, вспомнил, для чего я это делаю.

Я сражаюсь ради них.

Протягиваю ей руку, и она, словно того и ждала, забирается на кровать и обнимает меня. Тепло ее тела растапливает холод внутри. Чувствую ее слезы на своем лице, хотя они бегут по ее щекам. Я не плачу. Мне нельзя. Она плачет вместо меня, а я стараюсь не плакать.

Рана больше не болит.

Утреннее солнце проникает сквозь шторы. Проснувшись, сползаю с кровати и пробираюсь к окну. Раздвигаю шторы, и яркий солнечный свет вливается в комнату, прогоняя темноту и прохладу. Отличный день для работы. Усмешка сорвалась с моих губ, когда в голове пронеслась более реалистичная мысль.

Я снял с себя больничную одежду и стал переодеваться в привычную униформу, которую оставил старик. Она скрыла шрамы и синяки на теле, а я почувствовал легкость, словно заново родился. В этот момент дверь в больничную палату открылась, и я услышал голос Ким Чхоля.

— Дон Юн, как ты себя чувствуешь? О боже, ты снова уходишь.

Он всегда говорил мне побольше отдыхать, но, видимо, ему это надоело, потому что я всегда игнорировал его советы, но он все равно помог мне одеться и дал лекарств с собой. Когда я издал ехидный смешок, он улыбнулся, как будто уже знал, что я это сделаю.

— Ты идешь в офис?

— Да, меня ждут.

Я потянулся и приготовился уходить, а Ким Чхоль открыл дверь в больничную палату. Мы поблагодарили друг друга, как всегда.

— Спасибо за лечение, — сказал я.

— А тебе спасибо, что спасаешь людей.

Утром в Эдеме было многолюдно. От школьников, идущих с рюкзаками, до людей, бегущих по улице, чтобы пораньше попасть на работу. Каждый знал свое место, и они катились и катились, как шестеренки в едином механизме, правда все чужие друг другу. И вот шестеренки задвигались, часы начали тикать, и время шло, а я понял, что среди них есть место и для меня.

Место, где я тоже такая же шестеренка.

Только я.

Никто, кроме меня.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4867081>